

Романы МИФ. Лихое место

ЯШМА ВЕРНЕР

ДО КИСЛОТНЫХ
СДАТ

Москва
МИФ
2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
В25

Вернер, Яшма

В25 До кислотных дач / Яшма Вернер. — Москва : МИФ, 2025. — 288 с. — (Романы МИФ. Лихое место).

ISBN 978-5-00250-371-1

Марк и представить не мог, что, арендовав старую советскую дачу, пробудит дремлющего монстра. В доме, из которого нет выхода, оживают страхи, стираются границы реальности, а время перестает существовать. Каждую пятницу Дача открывает свои двери для всех желающих, устраивая рейв. Люди без настоящего, прошлого и будущего отдают себя в ритуальных танцах, даже не подозревая об опасности, которая таится в этих стенах. Когда Дача потребует новую жертву, Марку придется выбрать — разорвать зловещий круг или стать частью обезумевшей толпы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных средств. Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением. Употребление алкоголя, табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-371-1

© Вернер Я., 2025
© Оформление. ООО «МИФ», 2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Когда двери дома закрываются и музыка становится громче, я спиной прижимаюсь к стене рядом с лестницей. Вытягиваю руку с бутылкой холодного нефильтрованного. Считаю до десяти. Это точно сработает. Внутренние часы никогда не подводят. Их можно настроить хоть по Москве, хоть по Лондону — он все равно спустится. Заберет свое пиво, разомнет шею и, потрепав меня по голове, как бездомную собаку, пропадет среди танцующих.

Он вихрь, что любого закружит в танце. Ему бесполезно сопротивляться. Его шутки нравятся всем; даже если они совсем не смешные, он сам будет смеяться так, что остаться в стороне не получится. Когда он кладет руку мне на плечо, пытаюсь успокоить или поддержать, я чувствую себя дома.

Он называет это уличной магией. Я зову это врожденной харизмой.

Несмотря на то, что у рыжих души нет, у этого рыжего самое большое сердце из всех, кого я знал. Но совершенно нет совести. Это отчетливо читается по бесстыжим голубым глазам.

— Ты уборку на чердаке затеял? — Он стоит на первой ступеньке, оперевшись в угол стены. Меня это больше не пугает. Он направляет хищный взгляд в сторону моего пива, и я отдаю послушно, забирая пустую бутылку, чтобы не разбил.

— Да. У тебя там пыльно. И я вещи хотел разобрать. — Еще хотел мышей погонять, но об этом я говорить не стал. Обидится.

Я поворачиваю голову — он изучает толпу в комнате. Ждет послушно уже какой рейв подряд, но они так и не приходят. Сидит от заката до рассвета на своей лестнице, нервно ковыряет заусенцы и бьет бутылки, теряя концентрацию.

Прямо как сейчас. Бутылка разбивается, но этикетка не дает осколкам разлететься по полу. Сразу поднимается запах пива, который смешивается с дымом и чужими духами.

Пустую ставлю у стены, опускаюсь на корточки, чтобы осколки в ладонь собрать.

— Прости, Малой. — Он ковыряет пол, пытаясь хоть за один уцепиться. Я бы сам собрал, но верю, что рано или поздно у него получится. Верю, как в маленького ребенка, которому сказали нарисовать маму, а он нарисовал овал с двумя палками. Рыжий хотя бы старается, учится, приспособливается.

— Знаешь, это больше не бесит. — Я ему улыбаюсь, не поднимая головы.

Раньше за ним бегать надо было, останавливать и ловить вещи, которые сыпались из рук. Иногда он на чердаке гроыхает, и раньше это спать мешало жутко. Потом

он фокус показал. Говорил: мол, дай мне бутылку, и она не упадет. Уверял, что снова может держать предметы. Получилось не сразу, но спустя разбитый ящик мы оба поняли, что прогресс есть. Дальше фокусов стало больше. Рыжий научился разговаривать с другими. В основном травил анекдоты и даже позволял поплакать на своем широком плече. Включал и выключал свет, орал на весь дом, а потом снова распробовал вкус еды.

Я с интересом спросил, как он ее переваривает. Рыжий в ответ пожал плечами и продолжил вилоккой наяривать оливье.

Когда последний видимый осколок оказывается в моей ладони, я делаю шаг в сторону танцующих, и он хватает меня за плечо.

— Будь аккуратней, — говорим мы одновременно.

— Я знаю, Рыжий. Понял уже.

Понял, что в круг заходить нельзя. Понял, что тут в своем уме люди на час и не больше, что разговаривать с ними бесполезно, а еще понял, что свет и музыку лучше не выключать. Мне до сих пор снятся кошмары, но это было ценным уроком, который я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Мне тоже пришлось учиться и приспосабливаться, только я делал это на ходу, методом проб и не самых приятных ошибок.

В конце концов, если бы я сказал, что живу в доме с привидениями, кто бы мне поверил?

— Нет, это моя любимая ваза. — Рыжий сидит в куче целлофановых пакетов, будто на троне. Абсолютный царь ничего и всего сразу.

— Тебе эта ваза не нужна. — Пытаюсь оспорить, но тщетно. На каждую вещь, которую я хочу выкинуть, он говорит мне свое «нет» и рассказывает историю.

— Я спер ее из коммуналки в центре Питера, когда был в гостях у лучшего друга.

— Ты украл вазу у друга и гордишься этим?

— Да нет же! — Он подсакивает, меняя расслабленную позу. Садится ближе, чтобы я прямо прочувствовал всю ее значимость. — Эта ваза его сварливой соседки, что дышать не давала. Ну, я и взял... чтобы было куда цветы ставить. Чего ты опять глаза закатываешь?

— Есть здесь что-то, чего ты не украл?

Рыжий замолкает. Я сдаюсь, откладывая вазу в сторону, к тем вещам, которые оставляю. Когда оборачиваюсь, Рыжего уже нет. Иногда он напоминает капризного ребенка. С ним бывает сложно выстроить диалог. Он любит закрываться и прятаться. Его излюбленная тактика — отшутиться и сразу же перевести тему. Моя

излюбленная тактика — все это схавать и дальше играть в слепого сапера, который не способен определить цвет проводов на ощупь.

— Не обижайся. — Я говорю это в пустоту, зная прекрасно, что он слышит.

— Сам будто святой.

Из кучи на меня сваливается мешок — тяжелый, доверху набитый вещами. Хорошо, что мягкий. Плохо, что приходится обниматься с ним на пыльном скрипучем полу. Смотрю в деревянный потолок и думаю о том, как сильно устал. От прокрастинации меня отвлекают тихий писк и легкое шуршание когтистых лапок по полу. Рядом пробегает мышь, я подскакиваю. Рыжий принимается хохотать до слез.

У меня сердце будто в пятки уходит. Я понимаю прекрасно, что мышь боится меня сильнее, чем я ее, но каждый раз дергаюсь, как в первый. Мне не нравится лишняя живность, я вырос в стерильных условиях, и для меня любой паук — враг чистоты и порядка.

— Враги порядка тут совсем не пауки с мышами.

— Можешь, пожалуйста, не лезть мне в голову?

— Я это не контролирую. — Рыжий руками разводит и пожимает плечами. — Просто слышу, и все.

— Просто слышишь, просто сны мои видишь... У тебя всегда все просто.

— Нет. Было бы все просто, я бы не был мертв.

Это его обаяние, природный талант — говорить самые грустные вещи так, будто это шутка. Только смешного в них для меня мало. Раньше я думал, что ему свернули шею, — он слишком часто ей хрустит. А потом

поднялся на чердак, увидел сломанную балку, на которую был намотан кусок веревки. Люди не от хорошей жизни таким занимаются.

Мне в лицо летит свитер. Шерстяной и колючий. У меня аллергия на шерсть. От секундного прикосновения я не умру, но когда сыпь ползет, будет неприятно. Этот свитер я сворачиваю аккуратно и убираю в коробку для вещей. Ладони и щеки сразу же начинают чесаться.

Выкидывать что-то в век разумного потребления — глупость. Буду раздавать, продавать. Может, кому-то эти вещи еще пригодятся. Арендодатели обещали скидку, если получится разгрести весь хлам. Из пакета рядом вытаскиваю старенький анорак, который сейчас на Рыжем. Ретро ЖАКО с красными, темно-зелеными и белыми вставками. За такой даже сейчас убуют.

— Я был уверен, что меня в нем закопают. — Рыжий отзывается прямо у меня над ухом. Голос звучит недовольно, будто его последнюю просьбу так никто и не выполнил.

— А ты при жизни классические костюмы носил?

— Ты за кого меня принимаешь?

Рыжий всем своим видом показывает, что этот вопрос для него оскорбителен.

За того самого друга отца, которого в девяностых зацепила шальная пуля. У друга отца каждая история начинается со слов: «Вот когда мы с Мишкой...»

Пока я разглядываю артефакт, Рыжий садится напротив.

— Откуда узнал? — Его тон меняется. Рыжий больше не шут, теперь он — король.

— Говорил же: не лезь ко мне в голову.

Вспоминаю, как его могила выглядит. Невысокая металлическая оградка, выкрашенная в самый уродский оттенок голубой эмали. Травы по пояс, потому что к нему никто не ходит. Насколько там фотка стремная? Скорее всего, из паспорта, обычно для фото люди так не позируют. Огорожено огромное место, но рядом никто не закопан. Только Рыжий лежит под землей на глубине двух метров, а поблизости — железный столик с косой деревянной скамейкой.

— Суки. — Он вскакивает с места.

Я аккуратно сворачиваю анорак, думаю, в какую коробку его определить. Ни в одну не подходит. Анорак остается лежать рядом, пока остальные пакеты и мешки пустеют, а коробки заполняются.

До вечера Миша, он же Рыжий, больше ни слова не говорит. Рыжим он представился сам, когда я впервые его увидел. Он сидел, выглядел грустным и сначала не отвечал. Думал, что я не с ним, а с кем-то другим разговариваю, ведь раньше его никто не видел. Минут через двадцать он уже всю шутил и повторял, что ждет друзей. О друзьях Рыжего я знаю мало. Обрывки историй, которые он сам рассказывал. Такие, как, например, причина, по которой я должен оставить вазу.

Вся его жизнь — это пазл, который мне совсем не хотелось и до сих пор не хочется собирать. Но нужные детали каждый раз попадают под руку.

Подписывая коробку с зимними вещами, я оборачиваюсь к нему. Он смотрит в окно. На этом огромном чердаке старой советской дачи он выглядит ничтожно

маленьким — несмотря на широкие плечи, рост под два метра и огромные ладони, если сравнивать с моими.

— Ты уверен, что они когда-нибудь придут?

Смотреть на его муки ожидания больно. Он как верный пес, которого бросили, но любящее безвозмездно и вопреки сердцу не осознает предательства.

— Каждый, кто умер здесь, в доме, рано или поздно вернется.

— Мне нужно начертить круг из соли, повесить иконки на стену или крест на дверь?

На мой вопрос Рыжий вздыхает.

— Эти будут не опасны. Остальные и так тебя не особо трогают.

— А могут трогать по-особенному?

Миша молчит, я больше не спрашиваю. Ответ кажется очевидным. Конечно, могут. Конечно, будут, если не перестану в душу лезть без спроса и устраивать там раскопки, на которые никто разрешения не давал и бумажки нужные не подписывал. Я, кстати, не археолог. Даже если у меня под носом сокровище лежать будет, я его пропущу, а самой своей великой драгоценностью назову обычный мусор.

И если о мусоре говорить. То, что действительно им является, одним мешком скидываю на этаж ниже. Коробки аккуратно расставляю, чтобы освободить пространство чердака. Олимпийку прячу в старенький пустой комод, чтобы не погрызли мыши. Рыжий этому не сопротивляется, молча смотрит, как я спускаюсь.

— Выключи свет, пожалуйста, — прошу я.

Стою у лестницы, держась за деревянную ступеньку, заглядываю в открытый люк. Закрывать не хочу: крышка от него весит целую тонну.

— И спокойной ночи!

В ответ тишина. Только лампочка пару раз моргает, как и свет во всем доме. Слышу тихий, но до боли знакомый хлопок и понимаю: завтра мне нужна будет новая лампочка.

Про себя бурчу, что можно было и рукой по выключателю клацнуть. Всего-то пальчиком нажать. Но если дело не касается бутылки пива, то зачем зря напрягаться?

Мешок оставляю у забора. Мусор вывозят по воскресеньям, до этого времени в пакетах любят рыться собаки, и надоедливая соседка каждый раз ругается: мол, это мой мусор, она потом по всей дороге собирает, потому что он у меня с ночи стоит, а выносить пакеты надо утром. Я что, похож на человека, который встает утром в воскресенье, чтобы выкинуть мусор? Мне даже на работу вставать тяжело. На общих созвонах присутствую лишь номинально и делаю вид, что слушаю. На самом деле я все еще сплю. Почему меня до сих пор не уволили, одному только богу известно.

Возвращаюсь в дом. За работу сажусь уже в кровати. Притаскиваю в спальню тарелку с бутербродами и кружку чая. Трачу часа три, потом глаза болеть начинают, и я захопываю ноутбук. Снимаю очки, тру пальцами веки, а когда вновь их открываю, то в комнате свет потолочный горит. Морщусь недовольно, под скрип пружин встаю с кровати. Выключателем клацаю,

но ничего не меняется. Еще раз вверх-вниз. Безуспешно. Обратно очки надеваю, открываю дверь спальни и понимаю, что свет горит везде.

— Рыжий, мне счета оплачивать потом. Прекращай. Если загнался, давай поговорим.

Я вглядываюсь в конец коридора. Люк в потолке открыт, свет на чердаке горит так же ярко, несмотря на взорванную лампочку. Расстроился, а может, злитесь. К сожалению, залезть к Мише в голову, как он залезает в мою, я не могу.

Его рыжая башка появляется тут же. Он свешивается вниз и возмущенно смотрит на меня.

— Это не я.

— Здесь еще кто-то есть?

Он наваливается со спины, подбородком упирается в мою голову. Шикает, чтобы я молчал, и прислушивается. Кроме гула перегруженных проводов, своего и чужого дыхания, я ничего не слышу. Рыжий, кажется, тоже. Он в смятении затаскивает меня в комнату, закрывает дверь и пропадает. Лампочка моргает, но не гаснет. Разгорается ярче, потом тускнеет и приходит в норму. Так происходит раз десять. По скачкам напряжения можно отслеживать, как Миша перемещается из одной комнаты в другую.

Такого раньше не было. Разное было, и многое Рыжему пришлось объяснять мне на пальцах. Но то, что происходит сейчас, будто его самого пугает, а если страшно ему, то я должен бояться еще сильнее.

Он возвращается в комнату, держит указательный палец у рта и головой отрицательно машет, давая понять,

что никого и ничего не нашел. Когда на потолке взрывается лампочка и светильник на тумбе гаснет, я вздрагиваю, закрываю голову руками.

Я многих вещей научился не бояться. Пришлось. Но полностью искоренить в себе страх невозможно. Бояться жизненно важно, так же как и помнить правило «бей или беги». Я бы сказал, что только мертвые страха не чувствуют, но сейчас Рыжий не дает этой теории право на жизнь.

В воцарившейся темноте первое, что я слышу, — это плач. Жалобный, но тихий. Таким в фильмах ужасов пугают или в хоррор-играх приманивают жертв. Тянешься помочь, а потом половину твоего лица отгрызает неведомая хрень, которую даже разглядеть не получается. У меня от этого плача мурашки по коже. Меня передергивает, как от холода, и я за Рыжего прячусь инстинктивно. Он не запрещает, наоборот, прикрывает меня рукой. Мы так и стоим. Я, вцепившись в его анорак, и он, не двигаясь, как сторожевой пес, вслушиваясь в каждый всхлип.

— Хватит... — Сквозь плач разбираю слова, дергаю Рыжего за рукав. — Прошу... Хватит...

Каждое новое слово звучит четче и громче предыдущего. «Хватит. Прошу. Отпусти». Слова повторяются по кругу, потом голос стихает до шепота и снова превращается в плач. Рыжий делает шаг в сторону двери, но я тяну его обратно. Мне страшно выпускать его анорак из рук.

— Я и так мертвый, что мне будет? — шепотом говорит он, но я протестую.

— А я живой и не хочу жить один со всеми, кто здесь умер.

Рыжий меня не слушает, проворачивает фокус с исчезновением. Я по инерции делаю три шага назад, пока не упрусь спиной в стену. По закрытой двери начинают скрести, а когда раздаются удары, я вздрагиваю. Снова, снова и снова. Стук сменяется плачем, мольбами и возней. Будто тот, кто под дверью сидит, не может подняться на ноги и повернуть ручку, а просто ее ковыряет. Эти звуки противные, чавкающие, булькающие и хрустящие. Будто размороженную курицу пытаются разделать голыми руками.

Я слышу пронзительный визг, закрываю уши и глаза зажимаю. Лампа на тумбочке у кровати снова загорается.

В этот раз свет не гаснет. Я жду, пока Рыжий вернется. Проходит час, но его все нет. Я зову его, он не отвечает, прошу моргнуть светом, но ничего не меняется. Сомневаюсь еще минут пять. Безуспешно ищу в себе смелость, которой никогда не отличался. Наконец любопытство пересиливает страх. Я хватаюсь за дверную ручку, но инстинкт самосохранения срабатывает вовремя. Отхожу от двери, под кровать заглядываю. Возвращаюсь уже с молотком, которым недавно забивал торчавший в тумбочке гвоздь.

Одной рукой открываю дверь, второй замахиваюсь, но в коридоре никого. Только воняет болотом и тянется вниз по лестнице мокрый грязный след.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

